

ШЕТЕЛ БАСЫЛЫМДАРЫ

Л.А. Гореликов

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ЛОГИКА ЦЕЛОСТНОСТИ В ИСТОРИЧЕСКОМ СТАНОВЛЕНИИ ОБЩЕНАУЧНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Финал антропологического кризиса XX столетия определил насущную задачу века наступившего: она состоит в реорганизации общественной практики на основе гуманистических ценностей культуры, провозглашающей целостность бытия коренным условием социального прогресса [20, с. 25].

Одним из важнейших факторов духовной культуры современного общества является наука, ставшая в XX веке законодателем человеческой деятельности. Для продуктивного выполнения социально-исторической миссии в построении гуманистического общества научно-философская мысль должна мобилизовать все внутренние ресурсы, преодолеть локальность и фрагментарность собственных воззрений и предложить человечеству целостную модель мировой реальности в единстве физических, биотических, социальных и духовных процессов [12, с. 98]. «Длительное время, – отмечает В.С.Степин, – идея этого единства существовала как идеал. Но в последней трети XX века возникли реальные возможности объединения представлений о трех основных сферах бытия – неживой природе, органическом мире и социальной жизни – в целостную научную картину на основе базисных принципов, имеющих общенаучный статус» [26, с. 641].

В становлении современной науки ключевую роль сыграла идея единства мира, логически сформулированная античными мыслителями, субъективно возвращенная креационистским сознанием средних веков и рационально обоснованная в эпоху Возрождения в трудах Н.Кузанского и Д.Бруно. Действительное рождение теоретического естествознания происходит в XVI–XVII веках: в трудах Н.Коперника и Т.Браге, И.Кеплера и Г.Галилея, Р.Декарта, И.Ньютона устанавливаются основные принципы механической картины мира, устранившей противопоставление небесного и земного бытия, связавшей земные и небесные тела постоянством мировых законов [5, т. 1, с. 68, 78, 84, 102, 214]. На основе утверждения единства мира все различия окружающей действительности рассматриваются как количественные градации, связанные общей необходимостью [32, с. 14]. Количественные зависимости становятся ведущим ориентиром научного познания, подчиняя своему влиянию представления о качественных различиях бытия.

В развитии современной математизированной физики достаточно отчетливо выделяются два основных этапа, на каждом из которых реализуются три качественно специфицированные системы теоретического знания. Первый

этап представлен механикой Ньютона, термодинамикой и специальной теорией относительности (СТО). Если механическая картина мира возникает на основе ведущей роли в организации бытия пространственно-геометрических зависимостей, а электродинамические процессы моделируются в СТО на основе доминантных потенциалов времени, то термодинамический образ действительности формируется на основе вероятностных значений «пространства–времени», стирающих однозначную определенность явлений в пространстве и времени [1, с. 191, 241, 243, 318, 389–390, 444–445, 484; 2, с. 8; 31, т. 1, с. 65, т. 2, с. 158, 242]. На втором этапе также реализуются три качественно своеобразные системы теоретического знания: 1) общая теория относительности (ОТО), в содержании которой, как и в механике, ведущая роль принадлежит пространственной определенности; 2) квантовая физика, для которой характерна формальная близость с вероятностным строем термодинамики и отстраненность от строгого описания явлений в пространстве и времени; 3) развивающаяся теория элементарных частиц, родственная по характеру исследуемых процессов предметному содержанию электродинамики, близкая моделированию событий в СТО на основе зависимостей во времени. Если теории первого порядка опираются на утверждения геометрии Евклида о прямолинейной структуре пространства и естественности прямолинейного перемещения тел, то математическим основанием ОТО служат положения геометрии Римана об искривленной структуре пространства, а в построениях квантовой теории существенную роль играет идея «естественности» вращательного движения. Общая логика развития теоретической физики заставляет предположить, что доработка теории элементарных частиц до статуса логически непротиворечивой и содержательно полной концептуальной системы будет связана с более строгим и точным определением «времени» [22, с. 241]. В разрабатываемой теории образ времени будет характеризоваться, в отличие от построений СТО, внутренним единством с законами геометрии Римана и постулатом «естественности» вращательного движения, с обобщенным содержанием принципа относительности о неразличимости покоя и движения равноускоренного тела.

Научное постижение специфических закономерностей развития мира живых существ было связано с преодолением ламаркистского механицизма в трактовке явлений жизни [16, т. 1, с. 205–206, т. 2, с. 32, 33, 50, 80, 110, 130, 137, 138, 140, 141–145, 152; 23, с. 700]. Заслуга

Ч. Дарвина в развитии биологии состоит прежде всего в утверждении приоритета внутренних факторов биотической эволюции над внешними, физико-механическими условиями существования живых организмов, в трактовке развития живой природы как процесса совершенствования «родовидовой» реальности, воспроизводящей индивидуальные формы как связанные между собой внутренним родством. Главной причиной эволюции живой природы, в понимании британского ученого, является не приспособление живых существ к физической среде, а борьба за существование между индивидуальными особями и популяциями [11, с. 114, 156–158, 161, 169, 171, 226]. Наименее существенным фактором эволюции живых организмов, считает Дарвин, является их пространственная удаленность, географическая изоляция [11, с. 181, 191–192]. Эта особенность эволюционных процессов в живой природе позволила В.И. Вернадскому сделать мировоззренческий вывод о том, что качественная природа живого вещества определяется его жесткой зависимостью от особенностей времени и «пространства–времени» и относительной независимостью от свойств пространства [3, с. 285].

В теоретическом объяснении целостности живой природы наряду с дарвиновским учением о естественном отборе как механизме плавных изменений видов на основе дивергенции отдельных признаков важную роль играет скальционная концепция биотической эволюции как процесса скачкообразного рождения новых видов на основе комплексной изменчивости наследуемых признаков [9, с. 54; 4, с. 27, 81]. Обнаруживается, что растения и животные, выражающие качественную специфику жизни в отношении с неживой природой, различаются между собой не только механизмами получения пищевых ресурсов, разделяющими их на автотрофные и гетеротрофные организмы, но и своеобразием движущих сил их эволюционных изменений. Для растений характерна по сравнению с животными более высокая степень развития функции питания и способности к регенерации, самосохранению, бесполому размножению [8, с. 13, 69, 302, 303, 313, 334–335]. Если в растительном мире главным фактором видовых изменений служит борьба за пищу и связанный с ней естественный отбор, то в эволюции животного царства доминирует половой отбор и борьба за воспроизводство потомства [13, с. 41]. Предметная логика становления сферы жизни раскрывается как процесс самоотрицания мировой целостностью внешней формы существования, как преодоление влияния индивидуализирующих свойств

пространства и возрастание внутренней сплоченности сущего на основе времени и «пространства–времени», как усиление субъективного фактора в структурах бытия. Если субъективная энергия, подвижная натура животных определяется духом мирового времени, то укорененная жизнь растений поддерживается усредненным потенциалом «пространства–времени» [7, т. 2, с. 52, т. 3, с. 17–18].

Поскольку в развитии животного мира главным фактором видовых изменений выступает половое размножение, объединяющее посредством скрещивания представителей противоположных полов, постольку главной движущей силой здесь оказывается не «борьба» за существование, не конкуренция организмов, а кооперация их усилий в целях совместного выживания, значение которой в развитии живой природы подчеркнул в свое время П.А.Кропоткин [15, с. 274]. В отношении между полами, объясняет Гегель природу данного явления, «каждый из полов ощущает в другом не что-либо ему чуждое и внешнее, но самого себя или общий им род. Взаимоотношение полов есть поэтому кульминационный пункт живой природы; на этой ступени она в полнейшей мере изъята из внешней необходимости» [7, т. 3, с. 18]. Следовательно, «социальная природа» человека возникает не на пустом месте, рождается не как непосредственное преодоление «зоологического соперничества», а как развитие тех интеграционных процессов в животном мире, которые связаны с половым размножением, – как углубление и укрепление кооперации и сотрудничества живых существ в развитии своего родового единства.

Если в растительном мире «борьба» доминирует над сотрудничеством, а у животных сотрудничество внутри вида дополняется борьбой с другими видами, то в человеческом сообществе «сотрудничество» и «взаимопомощь» становятся главными законами социальной жизни, объединяя людей во всемирный социум на основе их внутреннего, духовного единства [25, с. 284]. Выражением духовного единства общественной жизни служит в конечном счете способность самообновления, тогда как внутренний потенциал природного бытия реализуется в способности самосохранения. В контексте этих соотношений историческая жизнь общества оказывается наиболее адекватным проявлением творческой сути бытия, наглядным воплощением закона саморазвития самобытной целостности в чувственных формах материальной действительности [6, с. 17, 54].

Духовное единство общественной жизни,

определяющее историческую логику социального прогресса, возрастание творческой свободы в пространстве коллективной деятельности людей, утверждает социальную реальность в качестве феноменального претворения социального времени. Эта особенность общественной жизни получила предельно ясное системно-логическое осмысление в философии Гегеля, увидевшего качественное различие общества и природы в том, что одухотворенная жизнь человечества развивается во времени, тогда как природная реальность разворачивает многообразие своих форм в пространстве. «У Гегеля, – критикует Ф.Энгельс образ мыслей великого немецкого идеалиста, – природа... не способна к развитию во времени; она может лишь развертывать свое многообразие в пространстве» [30, с. 287].

В то же время собственные воззрения основоположников исторического материализма на содержание социально-исторического процесса также свидетельствуют о приоритетном значении времени в конституировании социального бытия [17, с. 35; 24, с. 152–153]. Это обнаруживается прежде всего в их понимании природы стоимости как субстанции хозяйственно-экономической жизни общества [19, т. 13, с. 16, т. 23, с. 47, 48]. Формирование основ «коммунистического социума» трактуется в марксистском учении как освобождение целостного духа «социального времени» от произвола социально-классового партикуляризма [19, т. 46, ч. 1, с. 117, ч. 2, с. 217].

Целостный потенциал всемирно-исторической практики человечества раскрывается в философии диалектического материализма как динамическое единство общения, труда и языка в процессе совместной деятельности людей по удовлетворению общих и личных потребностей. Логика социального прогресса определяется перекомбинацией этих сущностных сил человечества в осуществлении общественной практики. В соответствии с этой логикой род человеческий раскрывает свой творческий потенциал на трех глобальных этапах общественного развития – Дикости, Цивилизации, Культуры, представляющих, соответственно, первобытное стихийное прошлое человечества, его субъективно-произвольное, корпоративно-классовое настоящее и разумно-всеобщее будущее. В коммунистическом обществе «реального гуманизма» как эпохе претворения ценностей мировой культуры главным фактором исторического прогресса станет вербально-коммуникативная практика людей, направленная на развитие их духовных способностей и достижение взаимопонимания между ними в управлении социальными

процессами, в созидании совместного будущего.

Становление социальной целостности мировой культуры происходит уже в недрах Цивилизации и разворачивается в соответствии с логикой формационных этапов развития производственно-трудовой деятельности национально-государственных сообществ. «Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего» [19, т. 23, с. 9]. При этом своеобразии каждой формации определяется не только характером экономического базиса, но и особенностями лидирующей в надстройке данной формации идеологической сферы [19, т. 13, с. 7, т. 19, с. 351, т. 37, с. 394, 417, т. 39, с. 175].

Двойственный характер воспроизводства общественной жизни людей признавал даже такой религиозный ревнитель человеческого духа, как В.С.Соловьев [25, с. 411]. В идеологически обусловленной среде общественной жизни время не просто подчиняет своему влиянию пространственные различия, но «стремится» вообще элиминировать эти определения из содержания социальных взаимодействий, утверждая себя единственным основанием социального бытия [14, с. 118]. Такая фундаментальность времени в развитии общества связана прежде всего с духовной сущностью человека, вечная суть которой и определяет исторический прогресс общества [21, с. 306]. Время – это и есть предметная, коренная суть всемирного разума человечества [14, с. 120].

Социальный прогресс раскрывается в идеологическом обрамлении как последовательное развитие способов ориентации народных масс во времени, когда характер исторической эпохи определяется доминантой в системе нравственных ориентиров людей какой-то одной из координат времени – прошлого, настоящего, будущего. В истории мировой цивилизации культ «прошлого» породил нормативную мораль раннеклассовых цивилизаций «азиатского способа производства», тогда как приоритеты «настоящего» сформировали художественное мировоззрение античного общества, а идеализация «будущего» определила догматическое единство религиозного сознания средневековья. В рамках современной, «инновационной эпохи» общественного развития временной цикл повторяется, но уже на основе не традиционно-догматических, а рационально-критических, универсально-аналитических способностей общественного интеллекта. Становление универсальных потенциалов инновационного общества было связано прежде всего с

абстрактно-правовым культом «прошлого», утвердившим юридическое мировоззрение национально-буржуазных государств «просвещенного абсолютизма». Абстрактные интересы «настоящего» сформировали политическое самосознание современного индустриального общества транснационального капитализма, тогда как силы будущего формируются в экономике знаний возникающего ныне постиндустриального, глобально-информационного общества [29]. Таким образом, историческое развитие мировой цивилизации достаточно определенно подтверждает мысль Гегеля о том, что социальный мир в своем качественном отличии от физического и биотического существования представляет собой действительность «чистого времени» с отстраненностью собственного содержания от возможностей пространства и «пространства–времени».

Таким образом, содержание физической, биологической и социально-исторической картин мира демонстрирует своим концептуальным строем логику самоотрицания в поступательном развитии мировой целостности, в генезисе предметного содержания общенаучной картины мира. В этой общенаучной проекции ход мирового развития раскрывается как историческое сбрасывание материальной субстанции внешних форм претворения своих содержательных возможностей, как освобождение ее внутренней сути от формальных ограничений. Потенциал мирового целого реализуется как «снятие» исторической сущностью материи внешних одеяний своего существа – сначала пространственных как наиболее поверхностных, скрывавших формирование в недрах физического мира органических семян жизни, а затем пространственно-временных, прятанных в лоне биотической реальности живые зачатки социального бытия. Общественно-историческая практика человечества служит претворением чистых значений мирового времени – прошлого, настоящего, будущего, определяющих предметное своеобразие формационных ступеней прогрессивного развития мировой цивилизации [25, с. 287]. Дальнейший шаг в развертывании самоотрицательной логики мировой целостности предполагает выход разумного существа человечества за пределы формальных оснований пространства, «пространства–времени» и «чистого времени» к содержательному истоку их внутреннего единства, то есть к творческому первоначальному бытию, к чистому акту культуры [27, с. 190–216; 28].

Центром средоточия творческих замыслов культуры выступает Слово как претворение полноты мирового духа в телесном облике дела.

Антропологический кризис современной цивилизации может быть успешно преодолен человечеством лишь за счет оздоровления нашего земного бытия разумной энергией Языка. Гуманистические надежды современного общества на усмирение мирового хаоса могут найти реальное воплощение в утверждении разумного потенциала Языка первоосновой социальной практики, в разработке научно-философским разумом универсальной языковой картины мира как идеальной модели целостности мироздания [10]. «Слово – могучий деятель мысли и жизни. Слово поднимает умы и сердца, исцеляя их от спячки и тьмы. Слово двигает народными массами и есть единственная сила там, где, казалось бы, уже нет никаких надежд на новую жизнь» [18, с. 24].

1. Больцман Л. Избранные труды. – М.: Наука, 1984. – 590 с.
2. Бройль Л. де. Революция в физике (новая физика и кванты). – М.: Атомиздат, 1965. – 232 с.
3. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. – 520 с.
4. Вопросы развития эволюционной теории в XX веке: [сб. ст.]. – Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1979. – 136 с.
5. Галилей Г. Избранные труды в двух томах. – М.: Наука, 1964; Т. 1 – 645 с.; Т. 2 – 574 с.
6. Гегель Г.В.Ф. Философия истории // Сочинения. – Т. 8. – М.; Л.: Полиграфкнига, 1935. – 470 с.
7. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: В 3-х т. – М.: Мысль, 1975–1977; Т. 1. Логика. М., 1975. – 452 с.; Т. 2. Философия природы. – М., 1975. – 696 с.; Т. 3: Философия духа. – М., 1977. – 472 с.
8. Грант В. Видообразование у растений. – М.: Мир, 1984. – 528 с.
9. Грант В. Эволюция организмов. – М.: Мир, 1980. – 480 с.
10. Гореликов Л.А., Лисицына Т.А. Сакральность смысла в соборности слова // Гореликов Л.А., Лисицына Т.А. Русский путь. Опыт этнолингвистической философии. – Ч. 1. Символика смысла в структурах бытия. – Великий Новгород, 1999. – С. 73–94.
11. Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора или сохранение благоприятных пород в борьбе за жизнь. – М.; Л.: Огиз, Сельхозгиз, 1937. – 608 с.
12. Дэйн Радьяр. Планетаризация сознания. От индивидуального к целому / Пер. с англ. – М.; Киев: Reefl-book, Ваклер, 1995. – 304 с.
13. Завадский К.М., Колчинский Э.И. Эволюция эволюции (историко-критические очерки проблемы). – Л.: Наука, 1977. – 236 с.
14. Казан М.С. Время как философская проблема // Вопросы философии. – 1982. – № 10. – С. 117–123.
15. Кропоткин П.А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. – М.: Правда, 1990. – 640 с.
16. Ламарк Ж.Б. Избранные произведения в двух томах. – М.: Издательство АН СССР, 1955–1959; Т. 1. – М., 1955. – 965 с.; Т. 2. – М., 1959. – 892 с.

17. Лой А.Н. Социально-историческое содержание категорий «время» и «пространство». – Киев: Наукова думка, 1978. – 140 с.

18. Лосев А.Ф. Философия имени // Из ранних произведений. – М.: Правда, 1990. – С. 13–192.

19. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Изд. 2-е. – Т. 1–50. – М.: Госполитиздат, 1955–1981.

20. Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 272 с.

21. Панарин А.С. Российская интеллигенция в мировых войнах и революциях XX века. – М.: Эдиториал УРСС, 1998. – 348 с.

22. Пахомов Б.Я. Становление современной физической картины мира. – М.: Мысль, 1985. – 270 с.

23. Поляков И.М. Эволюционное учение Ламарка, его философские и общебиологические предпосылки // Ламарк Ж.Б. Избр. произв.: В 2-х т. – Т. 2. – М.: Издательство АН СССР, 1959. – С. 677–745.

24. Пространство и время. / Под ред. М.А. Парнюка. – Киев.: Наукова думка, 1984. – 296 с.

25. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Сочинения в 2-х т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1990. – С. 47–548.

26. Степин В.С. Теоретическое знание. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 744 с.

27. Субетто А.И. Идеи Пантакреатора в современной науке // Системогенетика и учение о цикличности развития. – Кн. 1. – Тольятти, 1994. – С. 190–216.

28. Субетто А.И. Ноосферный императив в системе качества социально-гуманитарного образования в университетах России в XXI веке // «Академия Тринитаризма», – М., Эл. № 77-6567, публ. 10848, 01.12.2003. – Режим доступа: <http://www.trinitas.ru>

29. Субетто А.И. Принцип, законы и структура науки об образовании – образованиеведения. Императив Неклассического синтеза // «Академия Тринитаризма». – М., Эл. № 77-6567, публ. 10892, 19.12.2003. – Режим доступа: <http://www.trinitas.ru>

30. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Изд. 2-е. – Т. 21. – М.: Госполитиздат, 1961. – С. 269–317.

31. Эйнштейн А. Собрание научных трудов в четырех томах. – М.: Наука, 1965–1967; Т. 1. Работы по теории относительности (1905–1920). – М., 1965. – 700 с.; Т. 2. Работы по теории относительности (1921–1955). – М., 1966. – 878 с.

32. Эйнштейн А., Инфельд Л. Эволюция физики. – М.: Молодая гвардия, 1966. – 267 с.

***

Макалада әлемдік біртұтастықтың әлеуметтік-мәдени үлгісі жасақталған. Сонымен қатар біртұтастықтың гуманистік талаптары шеңберінде әлемнің физикалық, биологиялық және әлеуметтік-тарихи бейнесінің пәндік негіздемелері анықталған. Кеңістік, уақыт және «кеңістік-уақыт» факторларының басым бола бастауына байланысты ойлаудың циклдік қозғалысы ретінде әлем бейнесінің жалпы ғылыми дамуының интегралды қисыны қайта жасақтаудан өтуде. Адамзаттың рухани дамуындағы тілдің жетекші рөлі негізделді.

***

The sociokultural model of world integrity is developed

in the article. The subject grounds of physical, biological and socially-historical pictures of the world are determined in the light of humanism requirement of integrity. Integral logic of development of scientific picture of the world is

reconstructed as cyclic motion of idea depending on the prevailing factors of space, time and «space–time». The leading role of language is grounded in spiritual development of humanity.

Б. Исабаев

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ УРОВЕНЬ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Глобальный характер информационного обмена и взаимодействия делает актуальным целый ряд проблем информационной безопасности, порождая потребность мирового сообщества в создании средств и международных механизмов минимизации опасных воздействий на общество вследствие формирования и движения информационных потоков.

Рассмотрим международно-правовой уровень обеспечения информационной безопасности.

Возможности регулирования мирового информационного пространства в рамках традиционного законодательства ограничены. К таким законодательным документам относятся:

- правила ведения вооруженного конфликта, определяемые Женевскими и Гаагскими конвенциями;
- основные соглашения в области ограничения и сокращения вооружений;
- Договор о космосе 1967 года;
- Концепция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическим объектам;
- Международная телекоммуникационная конвенция 1973 года и ряд других существующих международно-правовых документов.

Это связано с особенностями формирующегося информационного пространства, со спецификой процесса и последствий применения информационного оружия.

Принятый 4 декабря 1998 года консенсусом документ ООН под названием «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникации в контексте международной безопасности», по существу, стал формальным началом создания совершенно нового международно-правового режима, субъектом которого стали информация, информационная технология и методы ее использования [1].

Члены ООН договорились содействовать рассмотрению на многостороннем уровне существующих и потенциальных угроз в сфере информационной безопасности, путей их устранения. В практическом плане и с учетом

новизны вопроса государствам-членам ООН было предложено сформулировать свои собственные оценки угроз в данной сфере, дать определения таких основных понятий в области информационной безопасности, как «несанкционированное вмешательство» и «неправомерное использование информационных систем и ресурсов».

На 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в октябре 2000 года был представлен очередной доклад Генерального секретаря ООН «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникации в контексте международной безопасности». В этом документе было предложено определение таких базовых терминов, как «информационное оружие», «информационная война» и «информационная безопасность».

Основная идея документа сформулирована в положениях Принципа 1, согласно которому деятельность каждого государства в информационном пространстве должна способствовать общему прогрессу и не противоречить задаче поддержания мировой стабильности и безопасности, интересам безопасности других государств, принципам неприменения силы, невмешательства во внутренние дела, уважения прав и свобод человека. При этом, однако, подчеркивалось, что право каждого на поиск, получение и распространение информации может быть ограничено законом в целях защиты безопасности каждого государства. Кроме того, все члены международного сообщества должны, в соответствии с Принципами, иметь равные права на защиту своих информационных ресурсов и критически важных структур от несанкционированного информационного вмешательства.

В документе приводятся определения основных угроз в сфере международной информационной безопасности и формулируют направления деятельности, которые могли бы способствовать созданию международно-правовой основы ограничения таких угроз. В этом отношении основной идеей такого договора могло бы стать обязательство участ-